

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган правления Союза советских писателей СССР ГАЗЕТА

№ 85 (2468)

Суббота, 23 октября 1948 г.

Цена 40 коп.

Жестокий провал «Чайки» в Петербурге в 1896 году, которого я была свидетелицей, произвел на меня тяжелое впечатление. Еще большее, конечно, огорчение он привнес брату моему Антону Павловичу. Помню, когда я вернулась в Мелехово, куда он приехал раньше меня, Антон Павлович встретил меня словами: «О спектакле больше ни слова». Я стала бояться новой постановки «Чайки» где бы то ни было. Какая-то горечь осталась в душе. После того, что с «Чайкой» случилось в Петербурге.

Осенью 1898 года Антон Павлович уехал зимовать в Ялту. В это время умер наш отец. Я перевезла мать в Москву и наняла квартиру на Малой Дмитровке, на углу Успенского переулка. На другом конце этого переулка, в Каретном ряду в «Эрмитаже», как потом оказалось, был расположен тогда еще не известный мне Московский Художественно-Общедоступный театр. В нем шла пьеса А. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Художник Левитан много говорил мне об этом спектакле, звал посмотреть его. Но я никак не могла собраться.

И вот как-то однажды ко мне явился брат Иван Павлович и сказал, что меня разыскивает В. И. Немирович-Данченко, чтобы передать билет на премьеру «Чайки», которая идет 17 декабря в Московском Художественно-Общедоступном театре. Сердце мое болезненно сжалось: я боялась повторения провала «Чайки». Я отказалась от присланного билета в дождь, предложив брату идти со своей семьей.

...Вечером 17 декабря мимо окон моей квартиры шумно проезжали извозчики, экипажи, кареты, направлявшиеся в «Эрмитаж». Потом наступила тишина. Я мучительно волновалась и в конце концов не выдержала и пошла в театр. Открыла дверь, где сидел брат Иван, и тихо присела у самой стены. Тишина и внимание публики меня поразили. Я шопотом спросила брата:

— Ну как?

Он сказал:

— Замечательно.

Я стала смотреть пьесу и увидела чудесную игру незабываемых мне артистов (тогда я еще не знала ни Книппер, ни Лилиной, ни Вишневского, ни других артистов Художественного театра). Публика принимала спектакль восторженно. Вызывали на сцену автора. В конце спектакля, по требованию публики, Антону Павловичу была послана телеграмма.

На другой день я написала брату в Ялту восторженное письмо:

«Вчера шла «Чайка». Поставлена она прекрасно. Первое действие прошло вполне понятно и интересно. Актрисы, мать Треплева, играла очень, очень милая артистка Книппер, талантливый удивительно, просто наслаждение было ее видеть и слышать. Доктор, Треплев, учитель и Маша были превосходны.

Не особенно мне нравились Тригорин и сама Чайка. Тригорина играл Станиславский вяло, а Чайку — плохая актриса. Но вообще поставлено так живо, что действительно забыть, что это сцена. В театре была тишина. Слушали внимательно. После первого акта стали вызывать тебя. И когда Немирович объявил, что тебя в театре нет, то все, особенно в пар-

тере, закричало: «Так надо ему послать телеграмму».

После третьего действия опять шум и овация артистам, вызовы автора. Тогда Немирович произнес: «В таком случае позвольте мне послать автору телеграмму». Из публики: «Просим, просим».

Знакомых было очень много, я немного волновалась, но было весело. Все поздравляло с успехом, говорили приятные слова по твоему адресу и т. д...»

Почему-то К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко в своих воспоминаниях пишут, что перед постановкой «Чайки» я, якобы, приходила в театр и просила отменить спектакль, чем еще больше усилила нервозность всей труппы перед премьерой. Но я уже рассказала выше, что до первого спектакля «Чайки» я ни разу не была в театре. Вероятно, мои дорогие, незабвенные друзья — Константин Сергеевич и Владимир Иванович попросту запамятовали, как было дело (а с их легкой руки это в дальнейшем стали повторять в своих трудах и некоторые последователи).

Вскоре я перезакомилась со всеми артистами Художественного театра. Вот что я писала брату 5 февраля 1899 года, после того как в третий раз посмотрела «Чайку»:

«...Была я вчера в третий раз на «Чайке». Смотрела с еще большим удовольствием, чем в первый и второй разы. Очень, очень хорошо играют, даже Роксанова была хороша. Вишневский, который был у нас в гостях недавно, пригласил меня на сцену и переизложил со всеми артистами. Если бы ты знал, как они обрадовались! Книппер запрыгала, я передала ей поклон от тебя. Алексеева, которая играет Машу, просила передать тебе, что лучше по ней ты роли не мог написать, она тебя очень благодарит. Благодарю тебе все.

С какой любовью они играют твою «Чайку»! Была Федотова, плакала все время и говорила: «Передайте ему, голубчику, что старушка очарована щесой и шлет ему глубокий поклон». При этом она мне поклонилась очень низко. В каждом акте она требовала меня к себе и все плакала... Был Южин, но он ничего не сказал. Я от руки пожалела, что ты не можешь посмотреть свою пьесу при такой художественной игре, хотя Немирович говорит, что еще лучше можно сыграть. Я вчера наслаждалась четвертым действием. Его удивительно заканчивает Вишневский...»

... Теперь, когда мне минуло 85 лет, я с большой теплотой вспоминаю чудесные дни первого спектакля «Чайки», когда зародилась моя большая и многолетняя дружба со всем коллективом Художественного театра. У меня есть книга К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» с такой его подписью:

«Дорогой, любимой, родной Марии Павловне Чеховой, с которой пережиты лучшие времена нашего театра и жизни, от искренней и навсегда преданной К. Станиславского».

Я хваля эту книгу, как дорогое воспоминание о моих друзьях-художественниках.

* Это письмо, так же, как и второе, напечатанное ниже, публикуется впервые.